

ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС РОССИИ: ОТ ВЫЖИВАНИЯ К ОПЕРЕЖАЮЩЕМУ РАЗВИТИЮ

Дмитрий Олегович Рогозин

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Современное состояние отечественного оборонно-промышленного комплекса (ОПК) во многом обусловлено распадом СССР и появлением власти, которая вела компрадорскую предательскую линию по отношению к национальным интересам. В этих условиях те оборонные предприятия, которые не имели конверсионных производств, не дублировали производство гражданской продукцией, в один момент перестали получать заказы, прекратилось их финансирование и они пережили шок. Как я отметил в интервью, опубликованном в февральском номере журнала «Национальная оборона», выжили только те заводы, которые были сориентированы на производство продукции в интересах стратегических ядерных сил (поскольку это та самая «священная корова» бюджета, которая режется в последнюю очередь).

Вторая часть предприятий – экспортно ориентированные либо те, что оперативно сориентировались на экспорт и выжили за счет продажи за рубеж отдельных производимых ими образцов. Кроме того, выжили предприятия, которые перестали производить оружие и стали выпускать гражданскую продукцию... Но они перестали быть оборонными.

Ущерб был нанесен колоссальный, в том числе и фундаментальной науке, потому что она была не востребована, статус ученого в обществе стал очень низким. Во время поездки в Новосибирск я встречался в Академгородке с представителями выдающихся научных школ, они только сейчас стали восстанавливать свои потенциальные возможности. Благодаря чему? Это парадокс, конечно, но факт: в лабораториях, где ранее проводились научно-исследовательские работы, а также фундаментальные и поисковые исследования, стали создавать маленькие производства – этикие «свечные заводики».

Например, люди, работающие по лазерной тематике, организуют небольшое предприятие, которое занимается лазерной обработкой металла. Продукция востребована на рынке,

и за счет этого они живут, продолжая свои научно-исследовательские работы. Это демонстрация того, что и академик, теоретик, загнанный в угол, если он патриот своей научной школы, найдет возможность выжить и спасти ее. Конечно, само по себе то, что подобная ситуация сложилась, вызывает сожаление. Однако подобные примеры свидетельствуют, что многое сохранилось, в том числе благодаря удали, уникальной способности русского человека к выживанию даже в тех нечеловеческих условиях, в которых оказались наша наука, образование и производство.

После того, как по указу президента и решению председателя правительства я возглавил большой блок оборонно-промышленных предприятий, организаций «Росатома», Роскосмоса, моя группа и Военно-промышленная комиссия работают по четкому алгорит-

1. Конференция Д.О. Рогозина на самолетостроительном заводе «Авиастар»
2. Пресс-конференция Д.О. Рогозина во время посещения ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей»
3. Посещение Д.О. Рогозиным оружейного производства ОАО «НПО «ИЖМАШ»

му. Мы не спонтанно мечемся по России, общаясь с производственниками, а действуем по определенному плану.

Например, встречаемся с представителями фундаментальной науки. Я уже упоминал о Новосибирске, где мы приняли участие в заседании президиума Сибирского отделения Российской академии наук (РАН), также в ближайшее время планируем посетить в Москве «главный штаб» РАН.

Провели совещание с ректорами ведущих технических вузов, поставщиками кадров для оборонки. Выясняем, чем им помочь и как связать технические вузы единой системой, которая могла бы готовить специалистов для ОПК. Схема уже выработана: мы составим треугольник, где первый угол – это студент, который сможет с первого курса приобщаться к исследовательским и поисковым работам. Второй угол – это сам вуз, заинтересованный в том, чтобы через интеграцию своих учащихся в будущее производство приобретать все

необходимое для формирования современной учебной базы. И третий – это не предприятия даже, а интегрированная структура. Например, Объединенная авиастроительная корпорации (ОАК) или Объединенная судостроительная корпорация (ОСК), то есть та структура, где есть реальные средства, деньги, которая обладает промышленной производственной базой и заинтересована в том, чтобы наладить систему подготовки специалистов для себя. Что касается профессионально-технических кадров, то мы рекомендуем создавать профтехучилища и учебные центры непосредственно при предприятиях. В Новосибирске мы убедились в том, что такая схема работает. Как только появились заказы для Новосибирского авиационного производственного объединения имени В.П. Чкалова на производство российского

самолета «Сухой Суперджет-100», а также фронтовых бомбардировщиков Су-34, появилась и возможность модернизации производства, обучения нового персонала, создания рабочих мест. На одном только новосибирском авиазаводе появилось 800 вакансий. Пришли новые кадры – молодежь, и средний возраст рабочих предприятия снизился с 48–49 лет до 41 года.

При авиационном заводе также был сформирован техникум, где грамотные специалисты обучают выпускников школ. Они занимаются на компьютерной технике, изучают станки с электронной системой управления – самые современные, на которых работают и в Airbus, и в Boeing. В итоге завод получает квалифицированные кадры. То есть нужны ПТУ при предприятии, где лучше знают, какие кадры необходимы, чтобы не валом их готовить, а целенаправленно возвращать специалистов тех профессий, в которых имеется потребность. Когда есть стабильные заказы и формируется стабильное производство, то возникает план, понимание этого плана, понимание перспективы: сколько специ-

алистов нужно на следующий год, через три года, через пять лет. Появляется возможность формировать социальные пакеты для специалистов, создавать условия для привлечения и закрепления молодежи: через ипотеку, через заработную плату, которая должна быть выше, чем в среднем по региону, и т.д.

В области же высшего образования, на мой взгляд, нельзя опираться на потребности конкретных предприятий – надо решать вопрос в рамках отрасли. Потому что, например, для авиации и космонавтики специалистов готовят через глубоко интегральные структуры, такие как Роскосмос. Или в подготовке инженеров, конструкторов, технологов для судоверфей элементом треугольника, о котором я говорил, должна выступать государственная корпорация, которая располагает всеми производственными мощностями. Тогда можно планировать обучение. В этом случае вузы, которые готовят кадры, смогут получать от корпораций все необходимое для того, чтобы обучение шло на современных тренажерах, по современным планам. Генеральные конструкторы ведущих конструкторских бюро могли бы стать преподавателями, заведующими кафедрами в вузах, которые готовят будущих инженеров, конструкторов для производства. Мы начали этот вопрос прорабатывать. Сейчас подготовку кадров удастся увязать в единую систему взаимоотношений с перспективой на 5–10 лет вперед.

В рамках поездок по регионам мы также проводим совещания по перспективным обликам развития видов и родов войск. Например, в Северодвинске темой встречи стал перспективный облик развития Военно-Морского Флота.

Было подготовлено два интереснейших доклада: главкомом ВМФ В.С. Высоцким и президентом ОСК Р.В. Троценко. В докладах шла речь о развитии военного и гражданско-го флотов на 30-летний период. Я требую от всех заглянуть за горизонт, увидеть перспективу даже не на 10, не на 20 лет, а более длительную. Мы увидели модульные корабли, корабли с модульным вооружением. Их производство можно сравнить, чтобы было понятно каждому человеку, с конструктором «Лего», но собранным на наших заводах, по нашим лекалам, придуманным нашими мозгами. Такие модули легко трансформировать под нужды флота для решения конкретных боевых задач. В результате даже корвет может обладать функциями чуть ли не эсминца по возможностям размещения ракетного вооружения. Это инженерное решение, соответствующее потребностям и вызовам XXI века.

Мы также рассматриваем способ боевого применения тех или иных видов наших вооруженных сил. Идти надо от анализа развития форм и методов вооруженной борьбы, от потребности России в защите своих национальных интересов, от ее демографических, экономических возможностей, от реального анализа угроз, которые в будущем могут быть направлены против нас. Нужно производить оружие не валом, бессмысленно и бесцельно, а создавать научно-технологические и индустриальные заделы там, где у нас могут быть проблемные моменты.

Например, с точки зрения развития флота необходимо, на мой взгляд, обратить пристальное внимание на Арктику и в целом на северную и северо-западную часть прилегающих к России морей. Если действительно речь пойдет о размещении там американского, натовского флотов с системами противоракетного оружия, то совершенно очевидно, что Российская Федерация должна верить не дипломатическим гарантиям, которые нам могут щедро предоставить. Самая главная гарантия нашей безопасности – наш военно-технический ответ, наша способность перекрыть любые неожиданности на политическом и дипломатическом фронтах.

К сожалению, авиация тоже находится в сложном положении – она специально умерщвлялась. Шел подрыв конкретных ячеек единой производственной линии, и в результате вся линия рушилась. На сегодня в области авиации определены приоритеты, заключающиеся в возможности оперативной переброски в любую точку России наших вооруженных сил – компактной и оснащенной армии. Таким образом, нужна военно-транспортная авиация, которая должна – и станет! – лучшей в мире.

Недавно в Ульяновске, на совещании, посвященном перспективному облику ВВС, расставив акценты, решили возобновить производство, отремонтировать и модернизировать все самолеты Ан-124 «Руслан». Таким самолетам в мире нет аналогов. К 2020 году для

нужд Вооруженных Сил РФ будет построено 10 новых самолетов, а 22 имеющихся – отремонтировано и модернизировано.

Порядка 60–70 «Русланов» закажут крупные транспортные компании, такие как, например, «Волга-Днепр», «Полет». В случае необходимости эти машины также могут работать на безопасность России.

Безусловно, будет развиваться отличный самолет, который известен как Ил-76, сейчас он называется Ил-476. Это будет самолет с новой кабиной, с надежными двигателями, который можно производить еще порядка 30–40 лет. На его базе будут создаваться новые модификации, в том числе самолеты-заправщики, самолеты-разведчики.

Возможности гражданской авиации будут расширяться посредством поддержки туполевских самолетов.

Планируется и дальнейшее производство бомбардировщика Су-34, который заменит парк Су-24. Новые технологии производства, бронированная кабина обеспечат летчикам достаточный комфорт при ведении военных действий даже на небольших высотах.

Большой интерес представляют Су-30 и Су-35, а также самолеты Т-50. В Комсомольске-на-Амуре премьер-министру были продемонстрированы образцы самолетов, которые сейчас проходят необходимые испытания.

В Казани идет процесс модернизации наших стратегических бомбардировщиков Ту-160. Уникальные летные качества этих кораблей с изменяемой стреловидностью крыла обеспечивает широкое применение титановых сплавов. Что касается перспектив дальней авиации, мы думаем над этим. Решение обязательно созреет, и мы доложим об этом руководству страны.

В области космонавтики важнейшая тема – полноценно обеспечить космическую группировку, для того чтобы мы видели все, что происходит в мире, и могли бы засечь любую попытку агрессии против нас. Необходима возможность оперативно ответить на вероятную агрессию, а еще лучше – гарантировать, что ее никогда не будет. Если потенциальный противник будет знать, что мы способны не только на ответный, но на ответно-встречный удар, не дожидаясь, когда наши пункты управления, шахты будут разрушены парализующим ударом, он никогда не решится на нападение.

Для этого страна должна иметь глаза, уши, обоняние. А обеспечивает их, прежде всего, космос, а также воздушно-космическая оборона, наземные информационные и иные спецсредства – радары, сенсоры. Над этим тоже идет работа. Недавно проведено совещание по развитию системы воздушно-космической обороны. Были приняты важные решения. Нам удалось создать интеграционную схему, где участвует концерн ПВО «Алмаз-Антей» как государственное предприятие, а также несколько частных или участных компаний, которые обеспечивают информационную составляющую воздушно-космической обороны.

В целом, думаю, работа будет вестись по крупным узлам: ВМФ, ВВС и т. д. Замысел состоит в том, чтобы по каждому направлению формировать свою архитектуру: производственную, научную, кадровую во главе с системным интегратором. Это должно быть некое ответственное лицо, генеральный конструктор всего блока, то есть человек или, возможно, группа людей, обладающих даром предвидения, предвкушения возможного противоборства нашей страны с тем или иным противником.

Я убеждаю коллег, тех, с кем веду переговоры, дебатую: мы обязаны отказаться от идеи «догнать и перегнать». То, что произошло с нашей страной, это был не нокаут даже, а тяжелейший нокаунт. Вряд ли мы в короткий срок соберем силы и возможности, которые позволили бы на невероятных скоростях догнать высокотехнологичные страны. Это и не нужно делать. Нужно другое, гораздо более сложное. Наша тактика – это тактика не зверя, идущего по следу, а тактика волка, который должен рассчитать динамику. В нашем случае – динамику развития вооружения, военной техники. Нужно рассчитать курс ведения вооруженной борьбы с перспективой до 30 лет, определить эту точку, выйти на нее. Понять, что нам нужно, то есть готовить оружие не завтрашнего и даже не послезавтрашнего дня, а на историческую неделю вперед и тем самым «срезать угол». Я повторяю: не думайте о том, что сейчас делают в США, во Франции, в Германии, думайте о том, что у них будет через

30 лет. Вы должны создать то, что будет лучше, чем есть у них сейчас. Не идите за ними следом. Попробуйте понять, куда все клонится, и тогда мы выиграем. Для этого необходимо предвидение, прогнозирование, стратегическая разведка.

Именно с этой целью в ближайшее время мы планируем создать аналог американского Агентства перспективных исследований министерства обороны – DARPA. Наше агентство будет работать не в рамках военного ведомства, а в прямом подчинении правительства. Эта организация должна заниматься селекцией людей, обладающих уникальными знаниями, креативных, которым необходимо дать возможности вести прорывные исследовательские работы, выделяя их в отдельные проекты, связанные с обеспечением обороны и безопасности.

Конечно, задача агентства будет состоять и в том, чтобы проанализировать риски технологического отставания, технологической зависимости России. И обеспечить поначалу латание дыр, чтобы закрыть ниши, где мы отстаем технологически: это, например, элементная база, металл, броня, спецхимия, особое внимание надо уделить боеприпасам. Задачей этой структуры будет информирование руководства страны по тем проектам, которые могут обеспечить не просто равенство с другими державами, а наше превосходство. Именно в этом и состоит наша глобальная задача – добиться превосходства.

Более подробно о военно-патриотическом воспитании молодежи читайте в моем интервью, опубликованном в февральском выпуске журнала «Национальная оборона».